

Ярмарка в Голтве — эпизод 4 из 5

Хохол посмотрел на него и грустно покачал головой.

— Бог мою думку знае... — вздохнул он.

А рядом с этой сценой разыгрывается другая. «Жінка», размахивая руками, как поломанная мельница крыльями, бранит своего «чоловіка». Он сидит на земле, упираясь в нее руками, и блаженно улыбается. Нос у него красный, сияющий, шапка на затылке, ворот рубахи развязался, и солнце бьет ему прямо в грудь и лицо.

— Голодранец ты! Хиба же морді твоїй не стыдно? Э-э, шибеник! Візьму кнут, та як учну стегать...

— Оле-ена! Утыхо-о-омырся-а! — тянет «чоловік», подмигивая жінке. — Слухай... Я и тобі пивкварты купив.

— О-о! — стонет жінка. — Бесстыжи очи!

Наклоняясь к мужу, она с великим трудом приподнимает его с земли и старается засунуть это расслабленное хмелем тело под воз. «Чоловік» стучается головой о колесо и предупреждает жену:

— У кармані штанів скляниця... то як бы и... и вона не побилась... э?

Через минуту они оба дружелюбно распивают «пивкварты», и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благоверного сеном и одеждой так, что он мог свалиться в любую сторону без риска удариться своей головой о колесо.

Молоденький еврей с ящичком на груди ходит и кричит:

— Роменский табак! Панский табак! Крепчайший табак! Черт курил — дымом жінку уморил.

— От це добрый табачино, коли з его жінки мрут! — замечает какой-то Солопий Черевик.

В центре ярмарки два длинных ряда палаток образуют широкую улицу, сплошь набитую народом. Под одним из полотняных навесов приютился еврей с рулеткой. Его окружает плотная толпа преимущественно молодежи, и из нее то и дело раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

— Красна! Черна! Чет!

В стороне бледный и встревоженный парубок уговаривает другого:

— Онисиме! Дай же мені карбованец! Бо я, мабуть, и ворочу мои гроши... О, не грать бы мені в ту бісову штуку... Вертыться, вертыться — та и вывернет твои карманці...

Остробородый ярославец торгует гребешками, ножичками, книжками, мылом...

— Паж-жалуйте-с! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонные мыла! Небесные духи! Молодой юноша! — позвольте вам предложить книжечку для приятного чтения-с? Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная история — смерть господина Ивана Ильича, сочинение графа Толстого. При сем же веселая комедия — «Плоды просвещения». Очень тонко осмеяны господа столичные и русские мужики. Продаю за двадцать копеек-с! Графское сочинение — за двугривенный, дешевле никто не продаст! А вот еще не пожелаете ли — «Князь Серебряный»? Про царя Ивана Грозного... но случаю того, как эта книжечка уже читана, — за тридцать пять копеек отдам! Стихи поэта Пушкина-с — по пятаку и по три копейки книжка... Прекрасные стихи самого веселого содержания... «Андрей Бесстрашный, русская повесть»... цена три копейки. «Япанча, татарский наездник, взятие города Казани». О разведении кур — не желаете ли просветиться? Пять копеек цена... Машинка для усов — извольте-с! «Житие и иже во святых отца нашего»... Красавица! Купите зеркальце? Душистое мыло есть... Чего-с? За Ивана Ильича гривенник? Напечатано на книжке — двадцать. За гривенник могу продать вот-с «Еврейские рассказы»... Тетка! Ты так гребень ломаешь... Почтенный! — купите бритву? «Загробная жизнь, или о том, что ждет душу нашу по смерти»... Весьма полезно знать — цена полтина! Не желаете? «Болезни домашних животных» — полюбопытствуйте! «Веретагианская кухня»... А то вот часики продаю: серебро — как золото, ход самый правильный, цена дешевая... Почтеннейший — мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милый: за Ивана Ильича — восемнадцать копеек...

Ни одной секунды не молчит этот сухой и поджарый ярославец, продающий сразу двум десяткам покупателей. Его звонкий голос издали влечет к нему народ, и около его лавочки тесная толпа. Одни покупают, другие просто смотрят на продавца и слушают его бойкую, рассыпчатую речь. Здоровенный усатый хохол долго таращил на ярославца большие, выпуклые глаза и вдруг расхохотался.

— Чого вы, пане, регочете? — спросил его сосед.

— Та ось він, цей москаль, нехай ему, бісову сину, гадюка у глотку влізе... Він зовсім як та молотилка роботає. Доброму чоловіку у місяць стільки не казати, як він у час кажет...

А у воев с глиняной посудой из Опошны, — посудой, замечательной по рисункам, но грубоватой по исполнению, — торгуют хохлы. Здесь не торопятся. Вот какая-то разомлевшая от жары женщина с зонтиком в руках подходит, берет макитру — подобие великорусской корчаги — и, рассмотрев ее, спрашивает:

— Скільки грошей?

— За що? — осведомляется продавец, возлежащий под возом на брюхе.

— А за макитру...

— Тридцать пять копеек...

— О, лишечко! та то дуже дорого!

— Хиба ж?

— А звісно! Вон она не равна, та корява...

— А що ж вы, пани, с цієї макитры стрелять хочете, чи що? Зацім ей буты равной? Не ружье вона, а макитра.

— Та воно вірно... Ще и не гладка вона, та и тускла яка-то...

— Так же то зеркало гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

— Вона и дребезжит...

— О? То значитя — в ней дірка є.

— То-то є дірка...

— Так вже світ устроєн, пани, что у ним усе діряво... Вон и у вас, пани, хусточка з діркою.